

Аманда Штерс

СВЯТЫЕ ЗЕМЛИ

Роман в письмах

Аманда Штерс

СВЯТЫЕ ЗЕМЛИ

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65426487

Святые земли. Роман в письмах: ИД «Книжники»; М.; 2020

ISBN 978-5-906999-38-2

Аннотация

Жил-был в Назарете один чудак, и не придумал он ничего лучше, как... разводить свиней в Святой земле. Ну и обратился за благословением к раввину. «Вы или сами идиот, или меня таковым считаете!» – рявкнул тот в ответном письме. И началось! Свиновод пишет раввину, сын-гей – свиноводу, бывшая жена – непутевой дочери. Письма летают между Назаретом, Нью-Йорком, Парижем и Тель-Авивом. Эта трогательная, сердитая, язвительная переписка складывается в роман, все герои которого – обиженные, эксцентричные, но невероятно симпатичные – хотят одного: настоящей любви.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

37

Аманда Штерс

Святые земли.

Роман в письмах

Посвящается Матьё

*«Мир – не столько соглашение политиков,
сколько приведение к гармонии тайных помыслов».*
Наполеон Бонапарт

Amanda Sthers / Les terres saintes

© E'ditions Stock, 2010

Published by arrangement with Lester Literary Agency

© ИД «Книжники», 2020

© Д. Савосин, перевод, 2020

© М. Заикина, оформление обложки, 2020

* * *

От Гарри Розенмерка – раввину Моше Катану
Назарет, 1 апреля 2009 года

Господин раввин,

я следовал всем вашим указаниям с тех самых пор, как

решил переехать жить в Израиль и разводить тут свиней. Я устроил им хлев на сваях, вроде гавайских хижин над морем. Никогда нога никакой свиньи не ступила на Святую землю. Кроме, разумеется, тех случаев – да и вы с этим согласны, – когда их используют для охоты на террористов. (Кстати, я видел в «Нью-Йорк таймс» за последний месяц фотоснимок солдата ЦАХАЛа со свиньей на поводке, а ведь это явно порочит нашу репутацию людей, непоколебимых в вере!)

Я почтителен с религией, хоть и редко захоживаю в храмы, и никоим образом не желал причинить вам огорчение.

А еще я нахожу ваше письмо грубоватым, и сколько вы ни называйте меня «сукиным сыном», это не изменит того очевидного факта, что израильские евреи обжираются беконом и я по-прежнему буду им его продавать в ресторане, между прочим, одном таком во всем Тель-Авиве. Сам-то я его не ем, это слишком жирно для моего уровня холестерина, и без того высокого, так что я просто стараюсь этим зарабатывать на жизнь. Перестань я торговать свининой, они просто пойдут и купят ее у какого-нибудь гоя. Яичницу с беконом из меню не выкинешь, тут уж даже вы ничего поделаться не сможете. Они считают это изысканным, как и курицу в горшочке или лягушачьи лапки...

А что насчет истории со свиньей кровью, господин раввин? Помните, та блестящая идея – развешивать в городских автобусах сумки, наполненные кровью, чтобы террористы, подрываясь, ею бы забрызгивались и становились нечистыми –

так что никакой рай с его семьюдесятью двумя девственными гуриями их бы уже не впустил? Если вам удастся выбить для меня такой контракт с общественным транспортом, мне больше не придется торговать беконом.

Я подумал, что уж вы-то, с вашими политическими суждениями, частенько совсем не такими же, как у других раввинов, и с вашей открытостью души, поймете меня.

Короче, у меня множество всяких разговоров для вас касательно разведения свиней, но я знаю о вашей занятости, поэтому не злоупотребляю вашим досугом и повторяю заверения в своем глубочайшем почтении,

Гарри Розенмерк

* * *

От раввина Моше Катана – Гарри Розенмерку
Назарет, 3 апреля 2009 года

Господин Розенмерк,

либо вы держите за идиота меня, либо сами олух олухом. Не исключено и то и другое – или даже то, что вы не осознаете одного из двух этих фактов.

Вы следуете моим...?

Ах!.. господин Розенмерк!

Перебирайтесь-ка лучше ко мне. Мы обсудим Талмуд, и

я научу вас вере, которую вы, кажется, совсем позабыли в угоду убеждениям меркантильным, ультракапиталистическим. Отвечаю вам по пунктам, последовательно и коротко – ибо близится праздник Песах, и дел у меня невпроворот.

1. Когда б весь мир рассуждал подобно вам, в нем не осталось бы никакой морали. Ни добра, ни зла. Пусть даже всякий мог бы торговать беконом в «USAVIV», ресторане для нечистых, – это не избавляет от греха лично вас. Окажись вы в комнате, где находятся умирающий с голоду ребенок и еще компания из девяти человек, – и если вы съели последний кусочек хлеба, оправдавшись тем, что в ином случае его съел бы любой из остальных девяти типов, это вовсе не извиняет вас: ибо вы, **ИМЕННО ВЫ** и убили этого ребенка.

2. Уже давно несчастные палестинцы, которых принуждают взрывать себя в автобусах, битком набитых спешащей в школы детворой, больше ни во что не верят, а уж всего меньше – в девственниц, ожидающих их в раю. Они жертвуют своей жизнью в обмен на то, чтобы их семьи имели убежище, приличную крышу над головой и могли досыта поесть.

Оставьте при себе вашу свиную кровь. Лучше было бы по кирпичику разобрать разделяющую нас стену. И потом не кидаться друг другу в рожи этими кирпичами, а построить для них приличное жилье.

3. Если бы Израиль мог как-нибудь огрызнуться в ответ на все, что думают в «Нью-Йорк таймс» и где там еще, мы бы об этом услышали. Мы – страна, которую в мире ненави-

дят больше всех, бывает, и за дело, а чаще – потому что так сложилось. Мы не собираемся ни стараться понравиться, ни прикидываться не такими, какие мы есть. Ваши свиньи приносят армии пользу. Обоняние у них чрезвычайно острое, и если палестинцев в общественном месте коснулась свинья, они уже не имеют права приносить себя в жертву. И плевать, как рядом со свиньями выглядят солдаты.

Жду вас в ешиве, там и поговорим.

Сделайте мне любезность, помойтесь.

*Всего доброго,
раввин Моше Катан*

* * *

От Давида Розенмерка – Гарри Розенмерку
Рим, 1 апреля 2009 года

Папа,

я по-прежнему пишу тебе, несмотря на твое молчание. Чтобы не рвать окончательно. Чтобы не настал тот день, когда мне придется встретиться лицом к лицу с незнакомцем, который окажется моим отцом. Чтобы не забывать о тебе.

Ты все еще сердишься? Из-за простого выражения. Эта простая фраза изменила всю мою жизнь, а твою – нет. Да, я люблю мужчин. Мне следовало бы сказать «одного муж-

чину», ведь я переживаю настоящую историю любви, папа. Разве не хочется тебе повидать того, кто сделал твоего сына счастливым? А поговорить со мной, услышать мой смех?

Вот странно, чем реже тебя вижу, тем больше становлюсь на тебя похож. Я ищу тебя в зеркалах. У меня твои волосы. Тепло твоих рук передается моим даже посреди зимы. Я замечаю все чаще, что ношу водолазки, из которых ты не вылезал, когда мы жили в Лондоне, а ведь я ребенком их ненавидел. И хотя я отращиваю бороду, на моей щеке все та же девичья родинка.

А вот и моя фотография.

Надеюсь, ты радуешься своему новому сумасбродству. Ты-то, так и не пожелавший купить мне хоть какое-нибудь домашнее животное! Ты не захотел завести даже красную рыбку. А теперь ты заводчик свиней. Есть ли у тебя работники? Сколько у тебя хрюшек? Только не говори мне, что делаешь все своими руками. Это ты-то – в сапогах и спецовке? Мама мне сказала, что у тебя и телефона-то нет. Не верю я в это. Но в любом случае не осмелился бы позвонить. Отсутствие писем – это не так больно. Мы все разобщены. Мама, Аннабель, ты и я. Я – один кусочек пазла, затерянный на скверном материке. А может быть, это как раз ты?

Давид

* * *

От Моник Дюшен – Гарри Розенмерку

Париж, 2 апреля 2009 года

Дорогой бывший муж и как-никак отец моих детей!

Выражусь кратко, но точно. Ты – старый мудака. И это безнадежно. Твой сын написал тебе сотни писем, и все остались без ответа.

Видел бы ты, с каким успехом проходят премьеры его пьес, сколько людей отбили себе ладони, аплодируя его таланту.

«Гениальный автор» – вынесла в заголовок газета «Ла Република» после римского спектакля на прошлой неделе. А он-то, он... Думаешь, улыбался? Нет. Он весь вечер, как всегда, не мог оторвать взгляд от двери, а не от сцены. Так надеялся увидеть, что она открывается и входишь ты.

Изругай его! Поссорьтесь! Это всегда лучше, чем твое молчание старого брюзги!

Признаюсь, мне есть за что благодарить и тебя: с тех пор как ты разводишь свиней, я рассказываю об этом на всех парижских обедах. И имею грандиозный успех! Правда, не уверена, что это снизит градус антисемитизма. Свиньи, отслеживающие террористов? Ха-ха! Подумать только, а ведь ты почти заставил меня поверить, что такое может быть на са-

мом деле...

Это ты вспомнил наш первый обед у Свинека? Как закадрить гойку?

Короче, дела у меня ничего себе. Новые проекты, увлекательные и прибыльные. Благодарение богу, с тем пансионом, какой ты мне положил... Говорила я тебе, что эта старая коза Марин Дюрье снова вышла замуж? За русского. Не за еврея. За настоящего русского. И сделала себе подтяжку лица – когда улыбается, внутри что-то потрескивает.

Не знаешь ли каких новостей от Аннабель? Вот забавно: «новеллы от Аннабеллы» – ни дать ни взять название какой-нибудь из еще не написанных пьес Давида. Мне она не рассказывает ничего. Я чувствую, как ей грустно. Вот-вот она вернется из Нью-Йорка. И, может быть, покончит с этими чертовыми занятиями! Это ж надо – учиться больше десятка лет! Была специалистом высокой квалификации, а теперь подавай еще и докторскую степень... Зачем? Пусть наконец подарит нам внучат!

Слушай, напиши твоему сыну. Его жених очарователен by the way¹.

И подходи же к телефону!

Моник

¹ Кстати (англ.). – Здесь и далее примеч. перев.

* * *

От Гарри Розенмерка – Моник Дюшен

Назарет, 6 апреля 2009 года

Дорогая Моник,

и это ты называешь краткостью? Твое письмо на целых две страницы, умеешь же ты надоеть.

Гарри

* * *

От Аннабель Розенмерк – Гарри Розенмерку

Нью-Йорк, 10 апреля 2009 года

Дорогой мой папа,

да, как ни крути – никаких новостей, прости... я плакала, плакала навзрыд над своим разбитым сердечком... Мне так трудно поверить, что слезы, испаряясь, попадают туда же, куда и морская вода, и дождевая, или та, что в унитазе. Мне хотелось бы, чтоб существовали такие врачи, которые исцеляли бы от печали. Нет, не психоаналитики, и не иглотерапевты, или другие какие-то целители. А настоящие врачи, умеющие локализовать печаль, дезинфицировать ее. Это бы-

ло бы доброе дело, хотя и невыносимое. Потом они помазали бы печаль чем-нибудь вроде розовой патоки, полили, как конфетку или пирожное для детей, у которых выпали зубки, и печаль бы задохнулась – она, а не я. И тут разверзлась бы стена, и больше не было бы его лица, а зеркала перестали бы отражать мое. И я заплатила бы врачу за печаль, дала бы ему все, что он захотел. И я оставила бы там у него мои набрякшие тяжестью подошвы, как забывают голландский велосипед. Розовой патоке не по силам совсем стереть печаль, речь не о том, чтобы ее изничтожить, а только превратить бы во что-нибудь сладенькое, что вспоминаешь со смехом.

Никому, кроме тебя, я не рассказываю о своих сердечных горестях. Мама хочет стать мне подружкой, а Давид уж слишком гей. Помнишь первого мальчика, от которого я так страдала? Мне, кажется, было годика четыре. Ему больше нравилась Эсмеральда. Я сказала ему: «Я люблю тебя, Дидье, я хочу быть твоей возлюбленной», а он в ответ: «Мне больше нравится Эсмеральда». Мне казалось, что это будет любовь на всю жизнь. И что эта Эсмеральда прячется за любой из дверей – я их все приоткрывала так робко, готовая отскочить, будто меня ошпарили.

Я ушла из школы. Без слез. Я думала, что другие дети больше не захотят встречаться со мной. Потом я долго сморкалась в твою рубашку, рассказывая о своей любовной ране. Ты не сказал ничего особенного, однако просто утешил, я сжевала сладкую вафлю, и мы пели в машине.

Здесь сейчас холодно. Не верится, что весна вообще когда-нибудь наступит. Она, наверное, ждет моей улыбки, а я жду, что мне улыбнется весна.

Я вернулась к своим привычкам. Всегда и повсюду фотографирую. Вот размытый снимок. Но я вижу в нем волшебную притягательность. Для меня эта фотография пахнет детством.

Как там поживают свинки? Ты не находишь, что было бы проще общаться, будь у тебя телефон? А если ты умрешь от свиного гриппа (а ведь у меня никаких связей с тобой), кто сообщит мне об этом?

*Обнимаю тебя,
твоя дочь
Аннабель*

* * *

*От Гарри Розенмерка – раввину Моше Катану
Назарет, 12 апреля 2009 года*

Господин раввин,
не могу я приехать к вам в ешиву. Поверьте, ничего личного, просто я столько времени потратил на то, чтоб заработать на цветной телевизор, что теперь мне уже трудно видеть жизнь в черно-белом.

В школе меня дразнили грязным евреем. Мне было пять лет. Не помню, чтобы моя мать мне что-нибудь говорила об этом. Я был малышом, таким же, как все, но евреем; и я не знал, что это значит. Я не был обрезан, так что мне в голову не приходило прятаться, если меня могли увидеть голым. Меня обучили немецкому, чтобы я мог разбираться в языке врага и при случае читать философов в подлиннике. Еврей? Определенно, я им был. Необходимость трястись от ваших извечных страхов и сливаться с толпой ваших консервативных женщин и черных бород и сутан, под которыми так потеют в тридцатиградусную жару первых весенних дней, – о нет, покорнейше благодарю.

И мне опять-таки остается лишь поблагодарить вас за совет помыться. Разведение свиней не превращает меня в нечто свиноподобное, а вам, я бы сказал, не хватает деликатности.

Если вы хотите поговорить «по-свински» или повязать на меня тфилин, то вам лучше приехать ко мне. Или мы могли бы посидеть в каком-нибудь кафе в центре города?

Когда в религию превращают саму жизнь свою – что тогда знают о жизни? Случается вам беседовать о чувствах, о гневе, ярости, о любви и не думать о Боге?

Я не верующий. Какая тоска!

*Разумеется, с превеликим почтением,
Гарри Розенмерк*

* * *

От: david.rosenmerck@orange.fr

Кому: Annabelle.rosenmerck@mac.com

Дата: 12 апреля 2009 года

Откуда: из римского аэропорта – в Париж

Сестреночка,

так ты и не заставила его развестись, твоего профа словесности с голубыми глазами? Кто был прав? И сколько ты нахныкала на сей раз? Стакан или целую ванну? Ты перевязала свое бедное сердце, трепещущее на ветру? На следующей неделе в Париже будет премьера моей пьесы. Ты будешь там. Это дело решенное. Пьеса о папе, сама знаешь. Да, я действительно хочу испытать все. Сейчас вот устроить провокацию. Но, думаю, это лучшее из всего, что я написал. Играть будут в театре «Матюрен», в маленьком зале, всего на восемьдесят мест. Там, где для меня все началось. Ты помнишь, мы тогда купили все билеты на первый спектакль, потому что боялись, что актрисе придется играть перед пустым залом? В результате в зале сидели бабушка и наши друзья по бриджу (или по бинго... как он там, этот молодежный спорт)! А вот сейчас идет настоящая драка за каждое кресло в зале. Поистине, это и называется создать events

для happy few². Вот видишь? Теперь я изъясняюсь как настоящий офисный клерк. Но только в мейлах моей сестрице, так что не переживай. По телефону я бы спел для тебя, как Барбра Стрейзанд, но что толку тебе звонить, если трубку ты не берешь?

На прошлой неделе я ехал в поезде (я живу в самолетах и поездах, я пишу в них новые пьесы, которые швырнут меня в новые самолеты и поезда). Со мной ехали два мальчугана, они купили один крок-месье³ на двоих. Маленький все порывался откусить от порции большого, а тот грозно размахивал вилкой, как будто всерьез его вот-вот на нее наколет. Ты представить себе не можешь, как они хохотали.

А где-то сзади в том же вагоне сидел малыш с мамочкой. Он один обжирался своим крок-месье. В полной тишине. Мамочка читала.

И я подумал: как мне повезло – у меня ведь была ты, я дергал тебя за косички, а потом еще и подшивал твои платья.

Вот такие они, мелочи моей жизни. У меня чувство, будто ты пропустила двадцать серий пятого сезона. Я подумал, что был твоей любимой серией...

Ты нужна мне, Аннабель.

Крепко обнимаю,

² Здесь – «создать сенсацию для избранных счастливицев» (англ.).

³ Крок-месье – весьма популярная закуска во французском бистро – горячий бутерброд с сыром и ветчиной.

Давид

* * *

От раввина Моше Катана – Гарри Розенмерку
Назарет, 14 апреля 2009 года

Дорогой господин Розенмерк,

вижу, что обидел вас советом помыться. Нижайше прошу извинить меня за это. Я вовсе не затем хочу пригласить вас в ешиву, чтобы повязать вам тфилин. Религия наша, как вам известно, не занимается прозелитизмом, а уж менее всего с теми, кто и так еврей (только вот настоящий ли вы еврей, если не подвергались обрезанию? Скоро я всерьез исследую этот вопрос).

Приезжайте просто повидаться, господин Розенмерк. Я не могу приехать к вам. Мне запрещено входить в контакт со свинячьей породой.

Чистосердечно,

раввин из Назарета Моше Катан

* * *

От Гарри Розенмерка – раввину Моше Катану

Назарет, 16 апреля 2009 года

Дорогой мессир раввин,

как это печально для меня – осознавать, что из-за маленького огрызка плоти, сокрытого в трусах моих, я могу быть лишен чести принадлежать к народу богоизбранному. А ведь я, знаете ли, человек благородный, хоть и любитель ветчины. Кошунник!

Знаете ли вы, что скоро станете знаменитостью у модной молодежи Тель-Авива? Кишащее оскорблениями письмо, посланное вами в ресторан «USAVIV», отныне заламинировано и лежит на столах в роли подставки для блюд. А еще в меню, в графе «Яичница с беконом», значится: «Блюдо рекомендовано раввином Моше Катаном»...

А что, если когда-нибудь, ведь события в жизни быстро меняют свой смысл, все это назовут еще и «яйцами Катана»?

И, наконец, еще кое-что: с какой, черт меня побери, стати должен я к вам приезжать?

С превеликим почтением,

Гарри Розенмерк

* * *

От Аннабель Розенмерк – Давиду Розенмерку

Нью-Йорк, 18 апреля 2009 года

Дорогой мой Давид,

есть нечто, о чем я никогда никому не рассказывала и что все грызет меня и грызет.

Что ты делал 11 сентября 2001 года? Ты, конечно, помнишь тот день. Весь мир помнит его. Каждый переживал эту драму на свой лад. Один было подумал, что это просто съемки боевика, у другого в какой-нибудь из башен был кузен, а еще кто-нибудь в это время сидел дома, не в силах шевельнуться, не в силах слова выдавить.

А что же я? Я, Давид?

Помнишь, как вы, все трое, безуспешно дозванивались до меня, и все кончилось мамой в слезах, воющей, а потом она серьезно заболела?

А ведь я развлекалась, когда рухнули эти башни. Я наслаждалась, крутясь под женатым мужиком старше меня на сорок лет. Весь мир с его глобальностью открывал для себя, что он смертен, а я – то, как противно выглядят члены стариков в круге седых волосиков. Это было в первый раз. Он уговаривал меня целый месяц. Не переспать с ним, а предательски поступить с его супругой. Я несколько раз с ней общалась. Она тоже работала преподавательницей. Прелестная женщина, сухопарая, с пронзительным взглядом голубых глаз. Можно сказать, проникавшим внутрь и всюду в нас. Она внушала мне трепет. И потом, у нее был такой прямодушный вид, такое ужасно-ужасно нравственное су-

щество. Обманывал-то ее он, а с размаху врезала по своей нравственности – я.

11 сентября. Весь день мы прокувыркались в постели. Под тем предлогом, что в Нью-Йорке долгая конференция. Близкие звонили нам не переставая, но тщетно. Позднее он признался мне, что принял «Виагру». Был, можно сказать, как мальчик. Жадный до моего тела, он, точно вампир, высасывал из меня юность, – а я-то надеялась от него сил набраться.

Мы, такие беспечные, вышли с виноватым видом. И тут нам про все сказал обслуживавший наш номер парень. Было, наверное, часов семь вечера. Он вошел, и весь трясся. Уронил тарелку со спагетти болоньезе, которую заказал Эндрю. «Простите, всё эти события...» – «Какие события?» И тут маленький грум включил телевизор. Я как раз выходила из ванной в пеньюаре. И на тебе, башни обрушились прямо на все мои жизненные установки.

У меня тогда еще не было мобильного. И пока Эндрю слушал десятки сообщений от своих жены и детей, я лихорадочно набирала твой номер. Вы жили вместе, папа, мама и ты, и когда я сказала тебе, что у меня все хорошо, ты расплакался.

А странно то, как человеческие существа путают Историю с собственной жизнью. Как во время кошмара подсказывает градус амбициозностей. Я чувствовала себя виноватой в том, что случилось с башнями. Как будто мое падение, мои сексуальные вопли перекрывали крики людей, падавших в кипящую смолу, как будто мои груди на торсе женатого муж-

чины и все остальное тоже участвовало в драме.

Тогда я подумала: «Я влюблена в Эндрю». Без этого я чувствовала бы себя грязной, мерзкой. Мне требовалось превратить этот день моих открытий и эгоизма в день любви. И я влачила это чувство вины всю эту кучу лет.

Я так и не вернулась в Бостонский университет. Я перезаписалась в Нью-Йоркский. На следующей неделе Эндрю привез мне мою сумку, и все время приезжал ко мне. Меня как будто врасплох застали в борделе. С поехавшей крышей. Совсем без сил. Я начала работать над новой темой «Теория хаоса и монотеистические религии». Не смогла уехать из Нью-Йорка. Меня держало чувство вины и мой старый мучитель.

С тех пор как я ушла, профессор Эндрю Блэк считает, что снова может подцепить меня, пустив в ход все свое обаяние, но все дело в башнях. Это они нескончаемо долго рушились в моем сердце.

Аннабель

* * *

От раввина Моше Катана – Гарри Розенмерку
Назарет, 20 апреля 2009 года

Дорогой господин Розенмерк,

вам стоит приехать ко мне по нескольким причинам. Прежде всего – ваше скотоводство в опасности. Я очень продвинут и в общественной, и в религиозной, и в политической жизни Назарета. Поверьте, вы на неверном пути. Кроме этого, мне случается разговаривать не только о религии. Еще, например, о кино. И о кухне! (Какая удача – фигурировать в меню плохого ресторана с хозяином-циником! Этим сейчас займется мой адвокат.) А ведь я изысканный гурман и унаследовал от мамочки множество тунисских рецептов. Вы знаете их кухню? Все на масле, тут я с вами согласен, но бесподобная вкуснятина. Приезжайте после Песаха отведать бхейлы! И прекратим наконец эту пикировочную переписку. Мне очень любопытно взглянуть на ваше лицо, господин Розенмерк. Но если будете настаивать, то я вполне способен исписать целую записную книжку ругательствами на разных языках.

*Искренне, конечно же, раввин из Назарета
Моше Катан*

* * *

От: moniqueduchene@orange.fr

Кому: Annabelle.rosenmerck@mac.com

Дата: 21 апреля 2009 года

От кого: от мамы

Дорогая Аннабель,

твой брат сообщил мне о твоём любовном романе и о том, что с ним покончено. Не стану пенять, что я тебя предупредила, ты ведь и сама уже знаешь.

Это и к лучшему. Будущего у вас не было.

Когда ты рассчитываешь, наконец, получить профессию? Ты расцветешь и еще встретишь мужчину, который оценит тебя по достоинству.

И нечего тебе коллекционировать дипломы и свидетельства об образовании! А то пока будешь учиться, опадут грудки и обмякнет живот! А ведь ты такая красивая. Это было бы очень жаль.

Я больше не хочу быть до чертиков надоевшей мамашей, но я так хочу, чтобы ты была счастлива. Кажется, мечте не суждено сбыться.

Корни всего этого еще в детстве. Ты ищешь отца, потому что он бросил нас, когда тебе еще не было и двух годиков. Есть раны, которые так и не зарубцовываются, однако смертоносны для нас не они сами, а то, с каким упорным наваждением мы их берем, будто втыкая то и дело нож в одно и то же место. Определили один раз место ранения, которое не заросло шрамом, и вот вся жизнь теперь будет зависеть от того, когда рана снова откроется. Но бывает, что удар судьбы переворачивает всю жизнь. Или ты встретишь мужчину с таким неврозом, который даст фору твоей ране, вот все и

пойдет на лад.

Так долго было между мной и твоим отцом. Да, все на этом держалось. Я, уроженка Лилля, воспитанная монашками, придумала неподражаемый способ известить собственных родителей. Прошло время, и они перестали быть антисемитами, они принялись наперебой любить вашего папу, но тогда я уже не любила его.

Не знаю, что и сказать тебе, малышка моя Аннабель. Попробуйся с папой, он всегда умел утешать тебя лучше, чем я.

Мама

* * *

От Давида Розенмерка – Аннабель Розенмерк
Париж, 25 апреля 2009 года

Аннабель,

11 сентября первая башня рухнула прямо у меня в машине. Там я услышал об этом по радио, а у меня было деловое свидание с кинопродюсером – он хотел, чтобы я адаптировал для кино «Кто я?». Когда я входил к нему в кабинет, еще говорили, будто это несчастный случай. А я-то сразу же набрал тебе, но на твоём автоответчике была только та глупая песенка из музыкальной комедии.

«Ты уже видела?» – и я ждал твоего ответа. Я произнес:

«Аннабель», и твое имя прозвучало в твоей пустой комнате, тебя там не было. Деловое рандеву я проводил точно робот. Позади него работал включенный телевизор, и я видел, как второй самолет врезался в башню. Я пытался объяснить этому лысому толстяку-продюсеру, что за его спиной происходит нечто такое, после чего нам уже невозможно ничего обсуждать, но он только ответил: «Потом поглядим».

Его так и подмывало говорить о самом себе. У него еще оставалось полсигареты, и он хотел докурить, поддерживая разговор ни о чем. Тогда я просто вышел. Без объяснений. Без ответа. Когда я дошел до конца коридора, этот тип бросил мне вслед ругательство. Я повел машину прямо к маме, папа уже был там. Как будто вместе они были сильнее, могли лучше тебя защитить.

Мы просидели втроем до одиннадцати вечера. Ждали твоей весточки. Мама пыталась узнать, где проходит такая знаменитая конференция. Это она купила тебе билет до Нью-Йорка. А в университете твоя соседка по комнате так ей и отрезала: ты уехала в Нью-Йорк накануне.

А я-то, я-то думал: если ты умрешь, папа точно простит меня, и мне станет проще жить.

Ну что ты, Аннабель, ты знаешь, как я тебя люблю. Но эта мысль не оставляла ту часть меня, которую я ненавижу. Вот же, понимаешь, у всех нас есть свои черные полосы в душе. В письмах мы обмениваемся ими и помогаем друг другу от них избавиться.

От Гарри Розенмерка – раввину Моше Катану
Назарет, 26 апреля 2009 года

Дорогой господин раввин,
вчера, гуляя по центру Назарета, я встретил старого друга Хасана, и мы пошли покурить гашиша.

Не случись этого – думаю, я нагрянул бы к вам, чтобы мы посмеялись вместе и вкусили вашей «бхейлы» на оливковом масле! А что это вообще такое-то? Даже не знаю, как правильно выговорить.

Но раз уж я до вас не дошел, то посмешу вас хоть в письменной форме и не буду сам про это знать. Раскаты вашего смеха, наверное, раздадутся в пустой комнате. Словно его вовсе никогда и не бывало.

Вы уже знакомы с новым туристическим агентством, которое открыл один из ваших злосчастных собратьев? «Мемориальное путешествие». И речь тут вовсе не о концерте, какой дают любавичские евреи, переряженные в битлов, и не о Майкле Джексоне, а об организованных поездках в страны, принявшие высший крест страданий, такие как Польша, Германия, Австрия и бывшая Чехословакия. Уже существует «маршрут» Освенцим – Биркенау – Терезиенштадт; авто-

бусный трехдневный тур, а есть и пороскошной – там оставляют время поплакать. За три дня предстоит обойти четыре концентрационных лагеря, потом неоплаченный дополнительный уик-энд в Праге с посещением старой синагоги и дома Кафки; кошерная пища предоставляется.

Перед таким агентством разве что Вуди Аллену осталось поставить камеру и снимать свое кино.

А хуже всего то, что этот тип даже не осознает, до какой степени вульгарно его дело. Он даже прямо на глазах у меня толкнул одну такую антидепрессивную поездочку паре гоев – те не то виноваты, не то чувствовали себя виноватыми, что подвернулись ему в подходящий момент. Так и вижу, как он продает парусиновые шляпы, прилепив на них слоган: «I've been to Auschwitz» («Я был в Освенциме»).

Я прохохотал весь вечер, сочиняя слоганы еще нелепее: «Аюшки, Аушвиц».

«Концентрационный лагерь для летнего отдыха».

«Всем будет хороШОА».

«А если позаковыристей – Бирки now».

Чистосердечно скажу, господин раввин, – чем проводить дни свои, пытаясь пристыдить меня за несколько ломтей ветчины, лучше бы вам позаботиться о том, чтобы такие кривлянья прекратились.

Более того, посоветовавшись с моим адвокатом, мэтром Бахманом, я снова говорю вам, что Назарет – город исключительный.

Принятый в 1962 году закон, запрещающий разведение свиней в Израиле и позволяющий их истребление, не распространяется на некоторые арабские местечки, упомянутые в тексте закона вследствие большой плотности в них христианского населения, – это Кфар-Ясин, или Хаблин в Галилее, или... Назарет.

Так что ваши угрозы ценны для меня как основа для переписки, к которой я привык, но вы ничего не можете сделать против моих розовых пятачков.

Вы, должно быть, получите это письмо в утро шабата; желаю вам провести его безмятежно.

*Дружески,
Гарри Розенмерк*

* * *

От: Annabelle.rosenmerck@mac.com

Кому: moniqueduchene@orange.fr

Дата: 27 апреля 2009 года

От кого: от дочери

Дорогая мама,

психоанализ я и так изучаю уже семь лет. Так что спасибо, не надо. Ты снова повторила, до какой степени меня травмировали уход и потом возвращение отца.

Что меня от души удивило – как это ты в сотый раз не припомнила мне тот эдипов случай, когда я, чтоб отметить воссоединение нашей семьи после расставания, накакала себе в ботиночки.

И конечно, вот карикатура-то, сплю со «стариком» профессором, в его-то возрасте.

Тебя больше всего беспокоит, что я, подобно большинству «дурашек» моего возраста, зайду на твою территорию, залезу в твою тарелку. Вот почему ты думаешь, что «для этих дур» лучше, чтоб он примирился с женой и ее химической завивкой, и ты никогда, никогда не думаешь о том, что мне больно и обидно.

Да ладно, хватит рассуждать. Мне больно и грустно. Скоро я вернусь в Париж.

Не хочу ничего знать о неврозах, заставивших тебя полюбить папу, а потом разлюбить. Мне хотелось бы почувствовать в твоих словах любовь, но напрасно.

Аннабель

* * *

От Гарри Розенмерка – Аннабель Розенмерк
Назарет, 26 апреля 2009 года

Дорогая дочурка,
да, моя милая. Спасибо за этот кусочек детства, прислан-

ный мне тобой. Делай фотки, не бросай этого. Иногда все вокруг видится лучше, если его уже нет перед глазами. А этот аппарат, который кажется холодным фиксатором жизни, снова делает тебя к ней ближе.

Как я завидую тебе, что там у вас настоящая зима. Здесь даже намека нет на дуновение ветерка.

Но через несколько месяцев и в Израиле пойдет снег. А спустя неделю яркое солнце взойдет над Нью-Йорком.

Так и с любовными печальями. Это заставляет нас грустить еще больше, чем от самих сердечных неудач. То, что они проходят. Что все улетучивается. Уходит в песок.

Будь у меня телефон, мы бы никогда не сказали такого друг другу.

Ничего важного бы не сказали.

Нет у меня розовой патоки, как у лекаря печалей, зато у меня есть розовый поросеночек, я кормлю его из соски, и он вполне сможет послужить тебе утешением. Приезжай сюда, и хотя я уже не смогу предложить тебе сахарных вафель, зато на углу стоит продавец бомболони. Это, знаешь, такие жирные тунисские пончики, тунисцы жарят их в чанах с кипящим маслом, а потом посыпают сахарной пудрой.

В машине мы споем. Мой диапазон на октаву ниже, зато чувство ритма по-прежнему неплохое. Познакомлю тебя со своими друзьями. Марк – англичанин, христианин и ясновидец, Йосеф – раввин и хочет сочинять рок, а самый богатый – Хасан, он садовник у назаретских буржуев, мусульманин и

курит сигареты с гашишем.

И представь себе, что все наши обеды начинаются со смеефучков, а все ждут грехопадения.

До скорого, дочурочка моя.

Твой папа

P. S. Прекрати выбирать мужчин одного и того же типа. Научись любить тех, кто любит тебя. Выйди замуж, народи детей и забеременей, как все.

* * *

От: moniqueduchene@orange.fr

Кому: Annabelle.rosenmerck@mac.com

Дата: 27 апреля 2009 года

От кого: Прости

Дочь моя, которую я так люблю,

прости меня, вечно я рассчитываю на твою рассудительность. Я бестактно попросила тебя перестать учиться, чтобы ты смогла влюбиться. У меня по-прежнему ощущение, будто мы говорим на разных языках. Приезжай, я просто приму тебя в объятия, и все станет проще.

И – нет-нет, шестидесятилеток я больше не завлекаю, а нацеливаюсь на восьмидесятилеток – богатеев-инфарктни-

ков, чтобы все произошло коротко, но насыщенно, а потом мне бы досталось их наследство!

Случись мне сорвать джекпот – нагрянула бы в Нью-Йорк на распродажу. Вот и не осталось бы у нас с тобой денежек, спустили бы за одно утро, а потом завалились бы перекусить в тот гадкий ресторан, где такие гигантские бейглы с пастро-ми и повсюду висят фотографии Вуди Аллена (если только это не Мел Брукс?..).

Мама

* * *

От Гарри Розенмерка – раввину Моше Катану
Назарет, 30 апреля 2009 года

Дорогой господин раввин,
я тут получил ваше письмо, в котором вы запрещаете мне шуточки о Холокосте.

Мои родители были в Биркенау. Я был там зачат.

Я никогда не спрашивал, как так вышло.

Я – доказательство того, что можно заниматься любовью, будучи бесплотными, то есть когда не тело, а кожа да кости.

Мама выжила. Я был ее единственной памятью об отце. Она вышла оттуда с немного вздутым животиком. Это я цеплялся за ее кишки. Я родился в Париже через три месяца по-

сле освобождения. Мама начала новую жизнь с младенцем и сопутствующим ему юмором. В то время она сочиняла комические скетчи, актеры читали их по радио. Вот бы она повеселилась, узнай только, что я развожу свиней в Назарете! Умерла бы со смеху, если б не умерла от рака три года назад. Я провожал ее тело до самого кладбища в Герцлии и остался здесь, рядом с ней.

А теперь я выскажу вам все, что думаю. А думаю я, что Израиль был основан из-за того кошмара (или благодаря ему), который и назвали Холокостом. Чтобы было на земле такое место, где евреям никто не скажет, что они не у себя дома. Чтобы не умирать тысячами только потому, что их как-нибудь назвали родители или у них не хватает маленького кусочка члена. Я думаю, что, согласись вы на наши шутки над всем таким, – и Холокост понемногу сбросит с себя всю боль Истории. А когда эта чудовищная жестокость растворится в Истории, вы уже не сможете позволять себе оправдывать некоторые действия именем Израиля. Хватит стен. Хватит с такой важностью относиться к этому еврейскому государству. Хватит возносить свиней на сваи. Хватит обиженных палестинцев на границах. Хватит нужды у наших соседей, когда наша молодежь набивает себе брюхо. Хватит ставить под ружье большинство нашего народа. Хватит графы о религии в наших паспортах. Хватит искать оправданий того, что наши дети рискуют жизнью, имея несчастье влезть в скверный автобусишко, чтобы доехать до школы в сквер-

ной стране. Хватит оправдывать глупости и наших судеб, и нашего положения. И я говорю вам, господин раввин, – если мы начнем худо-бедно шутить про Холокост, никто уже не станет жить в ожидании Годо. Обернется ли это злом? Понятия не имею. Надо, чтобы такое произошло. Разве поддерживать живую память означает не позволить истории повториться? Определенно нет. Память существует, чтобы забывать. История – чтобы повторяться снова. История евреев, история женщин, история арабов, история людей страждущих, история Красной Шапочки. Ведь бабушка-то не устает точить свои острые-преострые зубы.

Доктор Гарри Розенмерк

* * *

От: david.rosenmerck@orange.ru

Кому: moniqueduchene@orange.ru

Дата: 1 мая

От кого: Your son is rich!⁴

Мама,

знаю, что ты хочешь как лучше, когда на каждый еврейский праздник переводишь мне деньги. Денежный перевод

⁴ Твой сын богач! (англ.)

на Песах? Ведь в прошлом месяце получилось именно так!

Сходи к психоаналитику! Тебе нет необходимости платить, чтобы убедить меня в твоём еврействе. Пусть папина семья по-прежнему считает тебя обратившейся в иудаизм, а для меня-то ты моя мама, и это все.

Религия занимает небольшое место в моей жизни. Разумеется, это колыбель творения, что находит отражение в моих писаниях. Еврейская религия прославилась всем, что в человечестве есть и худшего, и лучшего. И я не просто чувствую себя евреем – нет, я, знаешь ли, и есть еврей. Это большая разница.

Я бледная немочь, очкарик, гомосексуал, я маленького роста и я еврей. Приходится это терпеть. Но я преобразую это в нечто. Оплеухи, которые мне щедро раздавали в школе – скорее из-за того, что я был евреем, а не потому, что мал и подслеповат, – я превращаю их в слова. Чтобы попытаться понять. Иудаизм стремится быть очень закрытым клубом. Религией без прозелитов. Так по определению. «Мы не будем тратить большие деньги на проповедничество и миссионерство, отправлять корабли и истреблять непокорных аборигенов, – нет, нам просто следует быть элитистами!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.